

Не зря она была учителем: где бы она ни находилась, она сохраняла невозмутимость, словно внешний мир для неё не существовал. Чжун Минчжу усмехнулась, а затем начала разглядывать остальных.

На банкете, помимо представителей клана Е и секты Тяньи, присутствовали ещё несколько элитных учеников из других сект. Все они пили вино и обсуждали Дао, наслаждаясь обществом друг друга, за исключением Лю Ханьянь, которая казалась покрытой слоем льда. Несколько человек, попытавшихся заговорить с ней, ушли ни с чем.

— Не зря в её имени есть иероглиф «холод», — с иронией заметила Чжун Минчжу, говоря сама с собой, но Лю Ханьянь услышала это и бросила на неё бесстрастный взгляд. Чжун Минчжу, почувствовав холод в этом взгляде, улыбнулась и подняла бокал, беззвучно произнеся «пожалуйста».

Она вела себя так, будто на банкете ей было всё равно, что с ней сделают.

Дин Линьюнь, увидев это, отодвинулась подальше, думая, что эта сумасшедшая даже Лю Ханьянь осмелилась задеть, и не хотела быть принятой за сообщницу.

Чжун Минчжу, увидев это, засмеялась ещё громче, и казалось, что на её лице написано «желание устроить хаос». В этот момент она заметила, что кто-то подошёл к Чан Ли.

Это был мужчина, высокий, с благородной осанкой, с лицом, словно высеченным из яшмы, одетый в элегантный белый халат с зелёными узорами, излучающий аурой бессмертного.

Чжун Минчжу осмотрела его с головы до ног, подумав, что вот так должен выглядеть наследник знатного рода, и только потом поняла, что его лицо кажется знакомым.

Особенно когда его глаза внимательно смотрели на Чан Ли.

Это же правитель города Чжулан, Цзян Линьчжао!

Чжун Минчжу хлопнула в ладоши, вспомнив человека, с которым встречалась несколько десятилетий назад. Тогда она запомнила только его восхищение ожерельем из агата, а внешность не особо врезалась в память, поэтому она не сразу узнала его.

Город Чжулан находился на самом юге Цзяочжоу, и даже если бы Цзичжоу погрузился в море, это бы не повлияло на них. Правитель Цзян лично прибыл сюда, преодолев тысячи ли. Неужели...

Она наблюдала за каждым его движением, прищурившись с недобрый намерением.

Цзян Линьчжао почтительно поздоровался с Чан Ли, поднял бокал, и в его глазах читалась улыбка, смешанная с лёгким напряжением, словно он боялся быть слишком навязчивым.

Слишком очевидно, — подумала Чжун Минчжу, бросив взгляд на Чан Ли, и затем рассмеялась.

Чан Ли не игнорировала его, отвечая на каждый вопрос, но не более того. Не было ни сопротивления, ни приветствия, просто равнодушие, без каких-либо эмоций. Выпив вино, она поставила бокал и, видя, что Цзян Линьчжао больше ничего не говорит, вернулась к своему состоянию медитации.

Неважно, стоял ли перед ней изысканный правитель Цзян, сухой ствол дерева или просто

пустота — для неё это не имело никакого значения.

Такое откровенное безразличие заставило Цзян Линьчжао, который всего лишь на мгновение запнулся, окончательно растеряться. В конце концов он с трудом улыбнулся, поклонился и попрощался, на что Чан Ли ответила равнодушным «счастливого пути».

Это было похоже на то, как будто его выгоняли.

Чжун Минчжу уже смеялась, уткнувшись лицом в стол. Стараясь не привлекать внимания, она спрятала лицо в руках, чтобы заглушить смех, иначе она бы уже каталась под столом.

Она подсчитала, что с тех пор, как Цзян Линьчжао увидел Чан Ли и нарисовал её портрет, прошло уже двести лет.

«Моё сердце освещает луну, но луна не видит. Как жалко».

Дин Линъюнь, увидев, что она вдруг сжалась на столе, трясаясь от смеха, поняла, что это ничто иное, как очередной приступ её безумия.

— Опять с ней что-то не так. — С отвращением посмотрев на неё, она отодвинулась ещё дальше, словно избегая чумы.

Фэн Хайлоу был готов заплакать.

— Младшая сестра Дин, ты толкаешь мой стул.

Когда Чжун Минчжу наконец нахохоталась, она глубоко вздохнула, вытерла слёзы, вызванные смехом, и подняла голову, только чтобы увидеть, что Чан Ли смотрит на неё.

В её обычно спокойных глазах мелькнуло что-то, что было похоже на любопытство.

Ах, я слишком громко смеялась?..

Она потерла лицо, приняла серьёзное выражение и оглядела зал, но все занимались своими делами, и никто не обращал на неё внимания.

Кроме Чан Ли.

В её глазах снова появилась улыбка, и, поняв, что банкет ещё в самом разгаре, она постучала пальцами по столу, решив, что пора действовать. Собрав духовные фрукты со стола в кольцо-хранилище, она нашла предлог, сказала Фэн Хайлоу, что уходит раньше, и, подмигнув Чан Ли, встала и ушла.

Не оставив Фэн Хайлоу времени на реакцию.

В конце концов, она была всего лишь маленьким культиватором на этапе закладки основания, и её присутствие или отсутствие не имело никакого значения.

Но те, кто достиг уровня зарождающейся души, были совсем другим делом, — подумала она с удовольствием, шаги становясь всё более лёгкими.

Покинув банкетный зал, она взлетела на летающий меч и направилась прочь от Павильона Чжэньлун.

Гора Уцюань получила своё название из-за пяти источников, а озеро, рядом с которым стоял Павильон Чжэньлун, образовалось из этих пяти источников. Вся гора была окружена барьером, а в местах с высокой концентрацией духовной энергии в лесу даже сидели люди в медитации — ученики из других сект. Чжун Минчжу заметила, что среди них было много тех, кто находился только на этапе закалки ци, и впервые осознала, насколько высоки стандарты секты Тяньи.

Другие секты прислали гораздо больше людей, чем Тяньи, причём самая многочисленная группа насчитывала более ста пятидесяти человек, но большинство из них были на этапах закалки ци и закладки основания. В сравнении с сектой Тяньи, которая прислала двадцать восемь золотоядровых мастеров, разница была очевидна.

«С моим уровнем я была бы элитой в других сектах», — с гордостью подумала Чжун Минчжу.

Её прогресс в культивации был выше среднего по всему миру, и если она сохранит текущий темп, то сможет достичь золотого ядра через сто с лишним лет. Однако среди множества талантов в секте Тяньи это не считалось чем-то выдающимся.

Фэн Хайлоу достиг золотого ядра чуть более чем за сто лет, и было много старших братьев и сестёр, достигших этого менее чем за двести лет, не говоря уже о Чан Ли, гении, не имеющем аналогов в истории.

Чан Ли сейчас триста двадцать два года, и большинство культиваторов в её возрасте всё ещё борются за достижение золотого ядра, а она уже более ста лет находится на этапе зарождающейся души.

Как только Чжун Минчжу подумала о Чан Ли, она отбросила идею стать элитой в другой секте.

В секте Тяньи она станет личным учеником Бессмертного Меча Чан Ли, и это будет великолепно.

Она обошла гору и наконец нашла место у источника с прекрасным видом. Она просто хотела найти место, чтобы скоротать время, но, увидев плавающих в воде змееголовов, её глаза загорелись, и она быстро достала удочку.

Дин Линъюнь однажды видела удочку, подставку, чугунный котёл и множество приправ в её кольце-хранилище и оставила комментарий: «Извращённый вкус».

На это Чжун Минчжу лишь улыбнулась и ответила:

— Ты не понимаешь. И, кстати, верни мне тот пирог с орхидеями, который ты собираешься съесть.

Только она закинула удочку, как почувствовала лёгкий ветерок сзади и тихо засмеялась. Обернувшись, она увидела знакомую точку киновари.

— Учитель, ты пришла. — Она протянула удочку Чан Ли. — Хочешь жареной рыбы? Этот змееголов очень вкусный.

Чан Ли взглянула на неё, но ничего не ответила, просто молча взяла удочку и села на камень у берега.

Хотя можно было просто использовать магию, чтобы поймать рыбу, это было бы слишком скучно, поэтому использование удочки стало традицией.

Пока Чан Ли ловила рыбу, Чжун Минчжу достала духовные фрукты, которые взяла с банкета, нарезала их, смазала мёдом и положила в банку. Затем она разожгла огонь и начала готовить приправы. Её настроение было прекрасным, и скука от банкета полностью исчезла. Она даже начала напевать мелодию.

Этот банкет был слишком утомительным, а сейчас она чувствовала себя свободной и счастливой.

— Танхулу, сладкие и кислые шарики танхулу! — Ранним утром уличные торговцы в уезде Цинъян начали зазывать покупателей.

Круглые, как шарики, большие боярышники, покрытые золотистой карамелью, нанизанные на бамбуковые палочки, выглядели как маленькие фонарики, символизируя праздник.

В уезде Цинъян действительно было что праздновать.

В последние годы в мире царили беспокойные времена: на северо-западе шли войны, на юго-востоке вспыхивали восстания, а на юго-западе и северо-востоке чередовались наводнения и засухи. Говорили, что в соседних уездах появились демоны, унесшие несколько жизней. Хотя слухи о демонах, поедающих людей, распространялись только среди простого народа, и правда была неизвестна, беспокойствие было реальным. Несколько семей уже переехали к родственникам в уезд Цинъян, их лица выражали страх.

Беспорядки на всех сторонах света, народ был встревожен, но уезд Цинъян остался незатронутым. Не было ни войн, ни наводнений, ни засух, ни демонов. Жизнь была спокойной, и даже танхулу на плечах торговцев выглядели более аппетитно, чем в других местах.

<http://bllate.org/book/16292/1468394>